

имели привилегию избирать нового члена, произведя испытание. Роль эпарха при этом сводилась к официальному присутствию при обряде приема нового члена цеха. В прочих случаях прием производился эпархом по представлению пяти поручителей из „честных, почетных граждан“,¹ которые ручаются в том, что кандидат „достоин“ принятия в цех,² не состоит в другом цехе и не совершит ничего противозаконного.

Внутри византийского цеха не было даже относительного равенства. С одной стороны, не было правового равенства, так как наряду с свободными были рабы, с другой — не было равенства „положения“. „Почетными“ считались не все члены цеха, а лишь наиболее богатые и „благонамеренные“.

Когда дело касалось льготных закупок, через ведомство эпарха составлялся список (апографэ), в который вносили далеко не всех. Катартарию, желающие купить сырец, должны прежде всего записаться у эпарха, при этом они не должны быть рабами, или вообще немущими, или же имеющими о себе „дурную славу“, но только из числа почетных (*χρησίμων*).³ „Это делается... чтобы сырец не разошелся ко всякого рода людям низкого звания“. Следовательно, в числе членов цеха некоторые считались людьми „низкого звания“.

Кто же считался „почетным“ (дословно: полезным — *χρήσιμος*) гражданином? Данное понятие в „Книге эпарха“ соединяется с представлением о праве „свидетельствовать“. Но право свидетельствовать (*μαρτυρεῖσθαι*) в Византии имели далеко не все свободные. По „Прохирону“, „бедные“ (*πένητες*), не обладающие имуществом в 50 номисм, не могут свидетельствовать“.⁴

Положение большинства самостоятельных хозяев эргастерий было весьма тяжелым. Агиография приводит данные о мелких собственниках эргастерий в Константинополе, которые изготовляли при помощи наемников шелковые ткани. Эти „хозяева“ отнюдь не представляли зажиточную часть населения и часто страдали от безработицы.⁵ Но далеко не все ремесленники были объединены в цехи. Можно определенно сказать, что большинство ремесленников во время Юстиниана, в X в., и вплоть до падения Константинополя не имели цеховой организации. Глава XXII „Книги эпарха“ подтверждает это. Все мелкие ремесленники, перечисленные в этой главе, т. е. столары, лепщики по гипсу, работники по мрамору, слесари, маляры и различные строительные рабочие, квалифицируются как одиночки, принимающие заказы, или как лица, работающие на подрядчика. Большая часть этих ремесленников — поденщики, которые, „оставшись без работы, окажутся лишенными пищи“.⁶

Члены цехов (*συστηματικοί*) в Византии противопоставлялись одиночкам — „идиотам“ (*ἰδιώταις τέχνην οἰκονομήτινα μετερχομένοις*).⁷

¹ Кн. Эп. III, 1; VI, 6; VII, 3.

² Кн. Эп. IV, 5; VI, 6; XVI, 1; VII, 3.

³ Кн. Эп. VII, 5.

⁴ Prochiron., XXVII, 13; Basil. 60, 34, 8; Peira 30, 2. У Юстиниана ремесленники, вынужденные заниматься лично физическим трудом, не пользовались почетом: показания *ἐπίθροισ* (сидящих на скамье), *χαίματαις* (сидящих на земле), *ἀσήμεροις* (то же выражение и в „Книге эпарха“) на суде не считались достоверными (нов. Just. XC, 1).

⁵ Жизнь Авксентия, у Метафраста (Migne. Patr. gr., v. 114).

⁶ Кн. Эп. XXIII, 2.

⁷ Ecloga basilic. II, 2.